

«Слово» и дело государево

История спора о подлинности «Слова о полку Игореве». Материалы дискуссии 1960-х гг. Вступительная статья, составление, подготовка текстов и комментарии Л.В. Соколовой. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2010, 792 с.

27 февраля 1963 г. в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР состоялся доклад доктора исторических наук Александра Александровича Зимина, посвященный проблеме авторства *Слова о полку Игореве*. В нем историк изложил предварительные результаты своих разысканий, согласно которым *Слово* было написано в XVIII в. и его наиболее вероятным автором следует считать архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоилія Быковского. Доклад Зимина произвел большое впечатление и получил огласку. О нем стали распространяться слухи и толки, которые постепенно достигли высоких идеологических сфер и вызывали в них беспокойство. Вмешательство властей оказалось роковым для дискуссии. Научный спор перешел в ранг общественного и идеологического противостояния, а его инициатора логика событий неумолимо превращала в борца с системой. 4–6 мая 1964 г. в Отделении истории АН СССР состоялось организованное при содействии властей обсуждение специально по этому случаю подготовленной Зиминим книги (ротапринт, нумерованные экземпляры, подлежащие возврату). Трехдневное совещание имело закрытый характер и, с точки зрения властей, достигло цели: книга Зимина была «осуждена» и тем утверждено правильное понимание существа и происхождения древнерусского шедевра. Материалы обсуждения не оглашались, книга осталась неизданной.

В коллективной памяти история, связанная с исследованием Александра Александровича Зимина о *Слове о полку Игореве* запечатлелась как своего рода героический эпос нашей дисциплины. Те, кто пересказывал события впоследствии, склонны были предлагать вариацию на тему сюжета единоборства Давида с Голиафом. Ученый-нонконформист бросил вызов властям и академическому истеблишменту и одержал над ними нравственную победу, дорого заплатив за свое право на интеллектуальную свободу и человеческое достоинство. Передаваемая из уст в уста, история неизбежно подчинялась законам *традиции*, упрощая все многообразие и сложность реальных событий до нескольких архетипических сюжетов, и, наконец, стала частью коллективной мифологии. Кульминационное событие — обсуждение книги А.А. Зимина в мае 1964 г. — представало в образе несправедного судилища, а последующая судьба ученого — наказанием за нераскаянность. Легко распределялись и роли: одинокого праведника и толпы, на начальников которой традиция на-

значила известных и успешных ученых Д.С. Лихачева и Б.А. Рыбакова, что якобы организовали кампанию против Зимина и дирижировали из-за кулис травлей ученого.

История Зимина самым своим существом была предназначена для того, чтобы стать мифом. В противостоянии одиночки силам судьбы всегда есть героика и трагизм, которые неконтролируемо задействуют законы жанра и превращают эпизод биографии в высокую литературу. Но были и приметы эпохи, побудившие к закреплению памяти о дискуссии 1964 г. именно в таком виде. В идеологизированной атмосфере советской гуманитарной науки, склонной к монологичности и хоровому пению, самостоятельный голос звучал громко и резко, а потому оппозиционно. История Зимина стала коллективной проекцией неисполненных надежд на большую интеллектуальную свободу и независимость академического высказывания. Но даже при этом дискуссия могла остаться еще одной в длинном списке подобных, если бы не ее предмет — *Слово о полку Игореве*. Мифологизированный и превращенный в национальную святыню, этот памятник имеет особый статус в культурном пространстве нескольких славянских народов. Утверждения, будто он является подделкой, фальсификатом, мистификацией не просто скандализируют, они приравниваются к осквернению реликвии. В случае Зимина покушение на святыню такого масштаба воспринималось как гражданский поступок, как предельное проявление интеллектуальной свободы ученого, который — даже если ошибался — отстаивал право на независимое суждение. Итак, история Зимина — не об авторстве *Слова*. Это история о нравственном выборе историка и цене такого выбора.

Подобную тональность припоминаний хорошо иллюстрируют воспоминания ученика Зимина, В. Б. Кобрин, свидетеля и участника тех событий:

Дело не в том, прав был Зимин или нет, хотя я лично убежден его аргументами. Дело в другом. Ведь и кроме Зимина были ученые, сомневавшиеся в традиционной датировке «Слова...», относившие его то к концу XVII, то к XVIII веку. Но, зная религиозно-фанатическое отношение к этому памятнику, помня, как обвиняли в антисоветизме крупнейшего французского слависта Андрэ Мазона, считавшего «Слово...» подделкой, они не решались ни обнародовать свои сомнения, ни потратить годы напряженного труда на серьезное исследование, сулящее лишь тернии без лавров. Зимин же считал, что, выступив открыто со своей точкой зрения, он поможет утвердить мысль, что в науке нет запретных тем, нет источников, которые не могли быть подвергнуты критическому анализу¹.

Со временем и сам Зимин стал рассматривать собственную роль именно в таком свете. Подытоживая в 1978 г. свои дневниковые записи, он писал:

---

1 Кобрин В.Б. *Кому ты опасен, историк?* М., 1992.

Выступление с пересмотром традиционных взглядов на время создания «Слова о полку Игореве» было борьбой за право ученого на свободу мысли. *Речь шла не о том, прав я или нет*, а о том, следует ли издавать «еретическую» книгу или нет. Эта борьба получила благожелательный отклик в сердцах многих людей доброй воли еще и потому, что *им было тошно от казенного лжепатриотизма*, расцветшего в 40-е — 50-е гг.²

Книга А.А. Зимина не так давно опубликована³, и о качестве его аргументов теперь можно судить достоверно, из первых рук. Не так с событиями вокруг книги. В течение последних двух десятилетий многие документы, проливающие свет на ту дискуссию были изданы. В 1994 г. Л.В. Соколова опубликовала переписку Д.С. Лихачева с отечественными и зарубежными учеными; в 2000 г. была издана переписка Р.Я. Якобсона и А.В. Соловьева, а в 2004 — переписка Л.А. Дмитриева с А.А. Зиминим, Д.С. Лихачевым, Я.С. Лурье и другими⁴. Тем не менее, очертания тех давних событий, роли, которые пришлось — по собственной воле или в силу обстоятельств — сыграть их участникам, да и самый смысл происходившего, оставались во многом в сфере легендарного. Для полноты суждений не хватало центрального документа — стенограммы знаменитого обсуждения в мае 1964 г.⁵

Рецензируемое издание наконец заполняет этот пробел. Как справедливо отмечает его составитель Л.В. Соколова, прочтение длительное время закрытых материалов дискуссии вместе с перепиской ее участников впервые позволяет восстановить реальную картину событий с документальной достоверностью, выяснить роли вовлеченных в них людей, их мотивы и поступки, обстоятельства, в которых приходилось делать нравственный и профессиональный выбор. Словом, впервые появляется возможность сопоставить унаследованную нами *легенду* с версией *документов*.

Большая часть книги представляет собой публикацию двух ранее не издававшихся документов: подготовленного Л.А. Дмитриевым отчета о докладе А.А. Зимина и его обсуждении на заседании Сектора древнерусской литературы 27 февраля 1963 г. (129–142) и стенограммы обсуждения книги

2 Здесь и далее цитаты, кроме оговоренных случаев, приводятся по тексту рецензируемого издания.

3 Зимин А.А. *Слово о полку Игореве*. СПб., 2006.

4 К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве» (Из переписки академика Д.С. Лихачева), публ. Л.В. Соколовой. *Русская литература*. 1994, № 2, 232–268; № 3, 213–245; Баран Х., Душечкина Е.В. Вокруг «Слова о полку Игореве»: Из переписки Р.О. Якобсона и А.В. Соловьева. *Славяноведение*. 2000, № 4, 50–78; Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: история одной неосуществленной публикации (по письмам из архива Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева). *ТОДРЛ*. 2004. Т. 56, 385–422.

5 Публиковались только незначительные фрагменты стенограммы, см.: Соколова Л.В. Новые мифы о старом: По поводу интервью на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Свобода» в связи с выходом книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве». *Studia slavica et balkanica petropolitana*. СПб., 2007, № 1/2, 23–38; Запесоцкий А. С., Ю.В. Зобнин, А.А. Михайлов. Д.С. Лихачев и А.А. Зимин: уроки научной полемики. *Вестник Европы*. 2007. Т. XXI, 240–247.

А.А. Зимина в Отделении истории АН СССР 4–6 мая 1964 г. (148–576). Издание, кроме того, содержит отдельный раздел, где издаются все в свое время опубликованные в печати отклики на дискуссию (579–662), и приложения: тщательно подобранную библиографию по теме дискуссии (665–686) и еще одно чрезвычайно полезное приложение, где помещены био-библиографические сведения об участниках дискуссии (687–753), а также, разумеется, подробные указатели. Книга Л.В. Соколовой подготовлена с тщательностью и добротностью, редко достигаемыми в изданиях последних лет.

Изданию документов предшествует большая вступительная статья Л.В. Соколовой «К истории дискуссии 1960-х годов о подлинности «Слова о полку Игореве» (11–126), в которой на основании доступных официальных документов, бумаг, сохранившихся в личных архивах, а также переписки между участниками дискуссии тщательно, в деталях и подробностях, воссоздана хронология и ход событий. Это исследование, имеющее совершенно самостоятельное значение, итог многих лет занятия темой. Читатель книги, несомненно, будет привлечен тоном повествователя: без гнева и пристрастия.

При столкновении с документальной историей легенда оказывается не просто упрощенным, но во многом мистифицированным отражением действительности. Этого, в общем, и следовало бы ожидать, но урок от этого оказывается не менее поучителен. Собственно, уроков несколько. Устная история, даже повествующая о таких относительно недавних событиях, предстает источником зыбким и неверным. Историки и филологи, как видно, так же неспособны контролировать достоверность передачи традиции в собственной среде, как и любые другие человеческие сообщества. Но легендарная история опасна не только тем, что искажает порядок событий или какие-то их обстоятельства. Устная история — морализаторская, она предлагает простые и скорые, а оттого, как правило, неправые приговоры. Несколько поколений, как теперь выясняется, черпали в истории Зимина этические смыслы, которых она в действительности не содержала. В ней не было однозначных героев и злодеев, а люди, которым традиция отводила неблагоприятные роли, как выясняется, вели себя в предлагаемых обстоятельствах вполне достойно. Мотивация их позиции в дискуссии оказывается далекой от тех вненаучных соображений, которые им приписывали, а методы ее ведения — даже более корректными, чем те демагогические приемы, которые позволял себе Зимин. Не был пассивной жертвой и А.А. Зимин. Наоборот, он стремился к конфронтации, провоцировал ее, считая обострение и научных, и личных взаимоотношений необходимым условием выяснения собственной правоты. Его темперамент и нрав, возможно, в не меньшей степени, чем интервенции властей, способствовали тому, что вся история приобрела особенно драматический характер.

С дистанции времени становится все очевиднее, что и «победители» дискуссии, и ее «жертва» в равной степени были заложниками эпохи, дик-

тующей правила игры и контролировавшей их соблюдение. Зимин не был «гостем из будущего» среди сплошь идеологизированных ученых советской выучки. Таким его создала последующая легенда. Он вступил в борьбу не ради утверждения принципов научной свободы. Он хотел победы над соперниками и для этого пользовался теми же методами и приемами, которые применяли и против него. Так называемая «оттепель» 1960-х гг., конечно, существенно смягчала нравы, но слишком близко отстояла от эпохи предыдущей, с ее кампаниями идеологических проработок ученых, развенчанием вредительских учений и научных школ. Именно в 1930-е–1940-е гг. в науку было привнесено понимание «дискуссии», практиковавшееся прежде в партийной и политической борьбе. Под «дискуссиями» (которые с определенной периодичностью *организовывали*) понимали не обмен аргументами в ходе конкуренции взглядов и концепций, а определенным образом выстроенную систему организационных мероприятий, в ходе которых выяснялись идеи ошибочные и вредные, а следствием их осуждения становилось коллективно согласованное решение о правильной точке зрения, каковой с тех пор следовало придерживаться. «Дискуссии» стали своеобразной институцией специфически советской науки, выполняя важные функции идеологического и организационного контроля над академическим сообществом. Такого рода «дискуссии» имели свое *начало* и *завершение*. Кульминацией, как правило, становилось многоярусное обсуждение, призванное продемонстрировать численное преимущество сторонников правильной точки зрения над одним или несколькими заблуждавшимися, а в идеале — публичное признание ими своих ошибок и переход на правильные позиции. Похоже, что именно такой дискуссии опасались вовлеченные в события люди, но к ней стремился А.А. Зимин, тщательно подготовив драматический эффект ее начала. Судя по переписке с коллегами, Зимин был убежден, что в подобной дискуссии можно победить.

Александр Александрович Зимин плохо соответствует роли принципиального диссидента. 42-летний доктор исторических наук Зимин был успешным советским ученым, стремительно поднимался по ступеням академической карьеры. Он удачно и рано защитил докторскую диссертацию (в 39 лет), много публиковался. Его труды, посвященные преимущественно эпохе Ивана Грозного, были вполне лояльны по отношению к официальным установкам, содержали все необходимые признаки советской ортодоксии: цитаты из классиков марксизма-ленинизма, ритуальные бранные клише по адресу идеологических врагов. Зимин был в хороших отношениях и пользовался поддержкой людей, занимавших официальные посты в науке. Ничто не предвещало ни его интереса к *Слову о полку Игореве*, ни событий, которые вскоре произойдут. Был, правда, эпизод, который может объяснить психологические мотивы Зимина. В 1962 г. он баллотировался в члены-корреспонденты АН СССР, но не был избран. По иронии, рекомендации ему давали академики Б.А. Рыбаков

и М.Н. Тихомиров, ставшие через несколько месяцев решительными оппонентами Зимина в дискуссии о *Слове*.

Как и отчего специалист по XVI в. решил заняться проблемой авторства текста, считавшегося памятником либо древнерусского времени, либо XVIII в., не вполне ясно. Сам Зимин позже кратко формулировал свои мотивы так: «Надоела брехня». Но «брехни» (в смысле идеологизованных интерпретаций) было достаточно и в суждениях об эпохе Ивана Грозного. С подобной ложью Зимин мирился. Его предыдущие книги и статьи, вполне традиционные, ничем не выдавали в Зимине вкус к правдолюбию. Во времена развенчания культа личности сталинские интерпретации Грозного царя и Опричины, казалось бы, могли стать привлекательной темой для свободомысленно настроенного историка, при том лучше других подготовленного для их разоблачения. Но Зимин решил померяться силами с идолом значительно большего масштаба, чем только что свергнутый кумир. Разоблачить *Слово о полку Игореве*, в котором ошиблась, по сути, вся предыдущая наука, наивно принимая фальшивку за шедевр, — означало покорить недоступную вершину, сделать нечто, неудавшееся никому за более чем полтора века.

Как свидетельствуют приведенные Л.В. Соколовой фрагменты переписки Зимина, иконоборческие мотивы играли не последнюю роль в его поисках. Зимин стремился к возможно более драматическому эффекту. Сообщая коллегам о результатах своих находок, он предостерегал от преждевременного разглашения: «Пока — прошу Вас — никому ни гу-гу. Речь идет о *Слове о полку Игореве* [...] При встрече обо всем переговорим»; «Нужна осторожность и тщательность. При встрече обо всем поговорим»; «Все это сугубо между нами и предварительно. [...] Решать нужно солидно и *наповал*».

В начале 1963 г. Зимин наконец решил, что пора обнародовать свои разыскания. Он написал Д.С. Лихачеву письмо с предложением сделать доклад в возглавляемом тем Секторе древнерусской литературы. Тему Зимин предложил нейтральную: «К изучению «Слова о полку Игореве» и сознательно не раскрыл содержания предстоящего доклада (в письме к В.И. Малышеву Зимин писал: «Я решил делать у Вас доклад о *Слове* и послал письмо Д[митрию] С[ергеевичу] (где ничего не пишу о содержании). Прошу Вас тоже ему ничего не говорить»).

Доклад Зимина состоялся 27 февраля 1963 г. Д.С. Лихачев по болезни отсутствовал. Вопреки атмосфере таинственности (а, скорее, именно благодаря ей) наплыв людей оказался «неожиданно» большим: 110 человек засвидетельствовали свое присутствие подписями. Ожидали сенсации, подготовленные слухами и агитацией посвященных конфидентов Зимина.

Несмотря на то, что обсуждение доклада, как признавал и сам Зимин, состоялось в рамках строго научной дискуссии, он остался недовольным результатом. Моментального и чудесного обращения не произошло. Триумф, на который рассчитывал Зимин, не состоялся. Более того, многие коллеги, и даже

личные друзья Зимины выступили с возражениями и сомнениями относительно его основных положений. Неприятный осадок остался и у Д.С. Лихачева, а также у институтского начальства Зимины в Москве. Они считали, что с ними поступили негодно, по сути, воспользовались, введя в заблуждение. А между тем многолюдность собрания, заговорщицкая атмосфера, и слухи, начавшие ходить по Ленинграду и Москве, давали понять, что — вне их ведома и контроля — произошло важное событие общественного значения.

Через месяц после доклада Зимины вызвал академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е.М. Жуков. Он упрекал, что доклад был сделан без санкции и передал просьбу вице-президента АН СССР П.М. Федосеева в дальнейшем с публичными докладами не выступать. Беспокойство академических властей, очевидно, объяснялось тем, что о происшествии стало известно за границей. Сразу же после доклада в Ленинграде Зимин сам написал оксфордскому русисту Джону Феннелу, чье скептическое отношение к подлинности *Слова* было хорошо известно. Среди западных славистов начали распространяться слухи о сенсационном открытии Зимины, которое якобы окончательно доказывает поддельность *Слова*. Подозревали, не нашли Зимин неопровержимых документальных свидетельств, которые имплицировали бы Иоилиа Быковского или Алексея Мусина-Пушкина в преступлении. Гадали: выступил Зимин с согласия властей, или против них. Началась интенсивная переписка заинтересованных лиц, многие из ученых (Роман Якобсон, Александр Соловьев, Андре Грабарь, Адольф Стендер-Петерсен) направляли запросы своим советским коллегам с просьбой предоставить разъяснения. Наконец, в июле 1963 г. в эмигрантской газете «Русское слово» появилась статья Глеба Струве, пугавшая власти не только своей хорошей осведомленностью в деталях дела, но и ссылками на «полученные из России из хороших источников сведения» (статья опубликована в 3 главе рецензируемой книги, где помещены также и остальные печатные отклики на дискуссию 1963–1965 гг. (579–662)).

Ситуация осложнялась и тем, что, по совпадению, в сентябре 1963 г. должен был состояться V Международный съезд славистов в Софии (Болгария) и, как теперь уже стало ясно, многие западные ученые намеревались поднять на нем вопрос об исследовании Зимины. С точки зрения властей ситуация переходила в режим, как теперь сказали бы, *damage control*.

Между тем власти, в характерной советской манере, колебались, как разрядить ситуацию: дать достойный отпор или полностью замолчать произошедшее. Зимину то предлагали опубликовать текст доклада (или хотя бы его тезисы) в журналах «Русская литература» и «Вопросы истории», то отменяли это решение. Не увидел свет и подробный отчет о докладе Зимины в Пушкинском Доме (его публикует Л.В. Соколова в настоящем издании, 129–142). Наконец, было принято решение запретить любые публикации в обсуждение всех дел Зимины о *Слове*. Случилось, как и предполагал Д.С. Лихачев (настаивавший

на печатании статьи Зимина): отсутствие достоверных сведений только подпитывало ажиотаж и в Советском Союзе, и за рубежом.

В мае 1963 г. стало ясно, что делом заинтересовался Идеологический отдел ЦК КПСС. Заместитель его заведующего И.И. Удальцов распорядился организовать закрытое обсуждение книги Зимина до начала Съезда славистов с тем, чтобы, как писал один из посвященных, «определить возможные позиции (отрицание, частичное признание и т.п.) [...] Если единого мнения не будет, то наметить целесообразное поведение на съезде».

Так впервые возникла идея, приведшая через год к знаменитому совещанию. Было решено специально для обсуждения напечатать книгу Зимина на ротапринте и в ограниченном количестве 12 экземпляров.

Узнав о подобных планах, Д.С. Лихачев написал письмо академику-секретарю Отделения литературы и языка АН СССР и председателю Советского комитета славистов академику В.В. Виноградову с просьбой пересмотреть их и издать книгу Зимина нормальным типографским изданием. Он повторил свою просьбу в письме вице-президенту АН СССР П.М. Федосееву. Тем не менее, механизм подготовки закрытого обсуждения уже был запущен и его никто не решался отменить.

Был и у Зимина шанс избежать обострения и не доводить, как ему советовали, дела до формального *события*, по бюрократической логике уже не могущего не завершиться какими-то организационными последствиями. Но он стремился к открытой конфронтации. Как вспоминал С.М. Каштанов, Зимина «увлекла идея покорить читателей и слушателей смелой гипотезой и стройной системой доказательств [...] Он настолько ею увлекся, что остановить его было уже невозможно, никакие «разумные», вернее, «благоразумные» доводы на него не действовали». Интересно, что в воспоминаниях Зимин полностью противоположным образом представлял дело: «Работу о «Слове» меня заставило написать начальство [...], ему очень хотелось меня «проработать». Требовался для этого мой какой-либо хоть плохенький (и это даже лучше), но все-таки текст. Я написал трехтомник [...]»⁶. Хронология написания книги, как ее воссоздает по документам Соколова, не подтверждает припоминания Зимина. Он сел за написание текста если еще не до доклада в Пушкинском Доме, то сразу же после него. В марте 1963 г. Зимин сообщал о рукописи объемом 7 а.л.; в мае (еще до официального решения об обсуждении) рукопись уже насчитывала 16 а.л. (и ее уже как *книгу* читал акад. В.В. Виноградов); в конце июля — 20 а.л. Издание книги также входило в первоначальные намерения Зимина.

В июле 1963 г. Зимин подал в Отделение истории рукопись (объемом 22 а.л.). Начался длительный торг об условиях печати и обсуждения. Узнав, что вместо обещанных 150 экз. намерены печатать 12, Зимин забрал рукопись.

---

6 Цит. по: Зимина В.Г. К читателю. Зимин А.А. *Слово о полку Игореве*, 4.

Ему предложили новые условия: 25 экземпляров, он отказался. Предложили 100 экземпляров и 30 участников обсуждения, которым книжку не выдадут на руки. Он отказался. Зимин настаивал на как можно более широком обсуждении. Ему предложили представить список кандидатур, он составил его на 180 человек. Переговоры затягивались, и стало ясно, что к Съезду славистов совещание уже не состоится. Зимину предлагали принять участие в съезде, он начал оформлять документы для выезда за границу, но в последний момент отказался.

Окончательно решение о судьбе книги и ее обсуждении принималось уже после Съезда славистов. 12 сентября 1963 г. было решено печатать книгу тиражом в 100 экземпляров и обсудить на закрытом совещании, куда пригласить тщательно отобранных участников. Издание книги, и таким тиражом, Зимин рассматривал как безусловную свою победу. Он стал готовиться к обсуждению, составлять списки участников, старался как можно большему числу коллег дать прочесть рукопись (за 8 месяцев прочитали около 100 человек), просил присылать письменные отзывы (предоставили 50 человек), интенсивно переписывался с поклонниками. Словом, строил войска для решающей битвы.

Нарастающее напряжение, однако, несколько не изменило доброжелательного отношения к Зимину, даже среди тех, кто категорически не принимал его идей. Б.А. Рыбаков писал в июле 1963 г.:

Зимин написал уже книгу в 20 печ. листов [...] Он уверяет, что все мы, защитники «Слова», немедленно уверуем в его правоту и сложим оружие. Я знаю его аргументы по кратким тезисам и по трехчасовому изложению их им самим. Странная, совершенно необъяснимая убежденность [...] На днях А.А. возвратился из командировки на юг и привез фотокопии 120 стихотворений Иоила Быковского. Все это — второсортные вирши, как и следовало ожидать. Но это его не отрезвило, и он полон необузданной гордыни. Я очень люблю Александра Александровича, и мне крайне досадно, что он ставит себя в ложное положение [...]

Между тем у многих коллег Зимина, не разделявших его идей, возникали сомнения относительно целей запланированного обсуждения и целесообразности своего участия в нем. Они вполне осознавали, в насколько ложном положении окажутся на подобного рода закрытом совещании. Научные убеждения не позволяли им поддержать коллегу, а резкая критика непременно делала их орудием возможной расправы. Люди опытные, они понимали, что обстоятельства складываются таким образом, что Зимин (как опасался еще в начале истории Лихачев) «может пострадать», и что партийные власти хотели бы, чтобы он пострадал в их руках.

Судя по всему, Лихачев хотел получить некие гарантии, что обсуждение будет иметь только академические последствия для Зимина. В начале 1964 г. в письме к академику-секретарю Отделения истории Жукову он писал о невоз-

возможности для себя участвовать в нем: «Окончательно свое согласие на участие в обсуждении рукописи А.А. Зимины я смогу дать только тогда, когда более подробно узнаю о целях обсуждения, об окончательном составе приглашенных и о порядке обсуждения». Если целью обсуждения является решить вопрос о целесообразности печатания книги Зимины, то подобное совещание, настаивал Лихачев, лишено смысла: никто ведь и не возражал против издания книги, которое нужно осуществить независимо от результатов дискуссии.

В силу понятных причин, в книге Л.В. Соколовой полностью отсутствуют документы (внутренняя переписка, докладные записки, протоколы заседаний и совещаний, решения и т.п.) партийных органов, в частности идеологического отдела ЦК КПСС. Об этом можно лишь сожалеть, ведь именно там на самом деле находился центр принятия решений. Мы догадываемся, что «невидимая рука» направляла события в определенном направлении. Но отсутствие документов приводит к тому, что вся история предстает однобоко, невольно переноса бремя ответственности на людей и институты, которые были только вынужденными и неохотными исполнителями. Пока эта часть документации не будет опубликована, мы не узнаем, какими соображениями руководствовались партийные власти, наметив именно такой сценарий и неуклонно его соблюдая, и, главное, какую цель они преследовали, последовательно раздувая из академической дискуссии публичный скандал. Впрочем, может так случиться, что такой документации и не существует — совещались и давали указания по телефону.

В феврале 1964 г. Отделение истории и Отделение литературы и языка предприняли последнюю попытку избежать обсуждения. Они направили пространную докладную записку секретарю ЦК КПСС, заведующему Идеологическим отделом Л.Ф. Ильичеву, смысл которой заключался в том, что книгу Зимины нужно печатать без обсуждения. К сожалению, партийные власти решили не отступать от намеченного способа действий. Совещание постановлено было провести, закрытое, а книгу не печатать. Решение принималось в таких верхах, что академические инстанции были беспомощны что-либо предпринять. В телефонном разговоре с Лихачевым Б.А. Рыбаков якобы сказал: «совещание постановлено свыше и оно состоится *даже и без нас*». Другими словами, ученым не оставили выбора. Последствия Лихачев весьма пророчески описал в письме к Рыбакову: «Положение очень трудное — в силу закрытости обсуждения — и крайне для нас поэтому невыгодное. Общественное мнение все равно [...] будет на стороне Зимины. Слухи и возбуждение только усилятся». Сторонники Зимины рисковали карьерой, противники — репутацией, но было ясно, что без потерь никому выйти из положения уже не удастся. Из-за этого несколько принципиальных критиков Зимины — М.Н. Тихомиров, Ю.М. Лотман, И.И. Смирнов — официально отказались принимать участие в совещании.

Отнесясь поначалу с энтузиазмом к идее дискуссии, Зимин, с приближением даты, начал терять привычное мужество. Он попытался отговорить

кое-кого из знакомых от участия, накануне, ссылаясь на плохое здоровье, просил отменить обсуждение и наконец не появился на нем.

Обсуждение книги Зимина состоялось 4–6 мая 1964 г. Оказалось оно удивительно людным, как для «закрытого» мероприятия: в зале Института истории присутствовало 230 человек. Окончательный список приглашенных включал 60 человек. 20 из них были приглашены Зиминим, его противников также было 20 (остальные, как полагает Л.В. Соколова — «чиновные лица»).

Существует несколько воспоминаний о том событии, по которым до сих пор приходилось судить об атмосфере, царившей на обсуждении. Л.В. Соколова приводит показательный — В.Б. Кобрин:

Большинство выступавших использовало трибуну для нападок на Зимина. Я слушал и поражался: ведь выступают ученые, они хорошо знают, что Зимин искал только истину, что прекрасно понимал, на какой риск идет. Увы, из тех, кто выступал против выводов Зимина, не нашлось, кроме Николая Калиновича Гудзия, никого, кто бы сказал: я не согласен с Зиминим, но уважаю его научную честность, а полемизировать с его взглядами буду только после опубликования книги⁷.

Стенограмма выступления академика АН Украины Н.К. Гудзия (с. 154–163 рецензируемого издания) свидетельствует, что приписываемых ему Кобриним слов он не произносил. На самом деле выступление Гудзия было критическим. Кобрину *хотелось услышать* нечто в этом роде, и он приписал свой внутренний текст Гудзию только потому, что тот был первым среди выступающих. Это означает, что сторонники Зимина пришли на обсуждение уже в определенном эмоциональном состоянии, с заранее сформированными ожиданиями и впоследствии вспоминали не реальное событие, а свои ожидания от него.

По свидетельству того же Кобрин, уже после завершения совещания, «Александр Александрович, потирает руки, говорил: «Что ж, подведем итоги. Меня били. Но меня били не так, как в тридцать седьмом. И не так, как в сорок девятом»⁸. Если это не очередной апокриф⁹, окружение Зимина в худших своих опасениях рисовало именно такие сценарии и в их недобром свете воспринимало реальность. Много лет спустя Зимин также вспоминал обсуждения в образе *судилища*:

Корифеи науки заговорили языком публицистов [...] Получилось, что честные в своей основе ученые стали играть роль свидетелей обвинения на неправедном

7 Кобрин В.Б. *Кому ты опасен, историк?*

8 Кобрин В.Б. *Кому ты опасен, историк?*

9 Смысл эпизода, надо полагать, состоит в том, что этой фразой Зимин утверждал: его выступление в защиту свободы таки было не напрасным. Это очень напоминает легенду о главном герое «хрущевской оттепели». По преданию, Н.С. Хрущев черпал оптимизм в своем поражении на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г.: его только уволили с занимаемых постов, а не арестовали и расстреляли, как это было бы при Сталине. В таком «смягчении нравов» Хрущев видел свою большую личную заслугу.

процессе. Самолюбцы вступают неизбежно в союз с сатаной, если забывают о существовании великого братства ученых. Никакая цель не оправдывает недостойных средств борьбы за ее торжество. Каковы бы ни были расхождения между учеными в споре о «Слове...» никто не имел права брать себе в союзники жандармов¹⁰.

Важно, что в разгар событий Зимин совершенно иначе оценивал и само совещание, и отношение к нему коллег. В своем заключительном слове он, в частности, сказал:

Высказана была масса интересных мыслей, наблюдений, масса полезного. Лично для себя я получил много полезного. [...] И если мы будем так же дружно и плодотворно работать, решая сложные вопросы, как мы работали, очень хорошо работали, на этом совещании, я думаю, что советская историческая наука и советская наука вообще только выиграет. [...] И такое собрание, какое было организовано сейчас — деловое, без лишнего людей, не имеющих непосредственного отношения к теме, на котором собрались люди, серьезно работающие в этих областях, мне кажется, лично мне, по крайней мере, принесло огромную пользу. Еще раз я хочу сказать от всей души, от всего сердца — я благодарен и собравшимся, и тем, кто взял на себя нелегкую задачу собрать это весьма компетентное собрание (568).

Тем не менее, в коллективной памяти закрепился ретроспективный образ судилища, где разнузданно издевались над ученым и дискредитировали его личность вместо того, чтобы полемизировать с его идеями. Вот, например, вывод А.А. Формозова, автора вступительной статьи к публикации дневниковых записей Зимина:

В целом обсуждение сознательно было направлено не по тому руслу, как хотел А. А. Зимин. Решался не вопрос, надо ли печатать его книгу, а вопрос, допустимо ли выдвинутое им мнение. Хотя многие оппоненты Зимина высказались за издание книги, все же дискуссия свелась к дискредитации автора¹¹.

Стенограмма обсуждения книги Зимина убеждает, что ничего подобного в действительности не происходило. Тон выступающих не только ничем не напоминал «тридцать седьмой год», но был подчеркнуто уважителен к Зимину (акад. АН УССР Н.К. Гудзий: «Я очень сожалею, что среди нас не присутствует

10 Журналист «Радио Свобода» Илья Смирнов следующим образом парafразировал воспоминания Зимина: «Подчеркиваю: для Зимина это была чисто академическая проблема, в ряду сотен других источниковедческих проблем, по которым приходилось полемизировать с коллегами. Политику в дело о «Слове» внесли другие, причем не со стороны, не из госбезопасности, а из самих же историков, которые воспользовались ситуацией, чтобы засвидетельствовать свой образцовый патриотизм» (цит. по: Соколова Л.В. Новые мифы о старом, 32–33).

11 *Вопросы истории*. 1992, №№ 6–7, 100. Эта мысль неверна и фактически. Как отмечает Соколова, большинство участников обсуждения оказались не информированы о решении властей не публиковать книгу и думали, будто цель дискуссии состоит в рекомендации ее к печати. Именно поэтому многие считали нужным подчеркнуть, что, вопреки их критике, книга безусловно заслуживает публикации.

А.А. Зимин, не присутствует по болезни. [...] Думаю, что мы пожелаем ему скорейшего выздоровления, так как каждый из нас питает к нему то уважение, которого он заслуживает и как ученый, и как человек» (134).

Заседание началось с решения деликатной проблемы: насколько этично обсуждать книгу в отсутствие автора и не ставит ли это Зимина в уязвимое положение. Академик Н.Н. Дружинин вообще предлагал отложить обсуждение до времени, когда автор книги выздоровеет и сможет принять в нем участие (149–150). Решено, впрочем, было обсуждение проводить с тем, чтобы Зимину была предоставлена полная стенограмма выступлений (акад. Б.А. Рыбаков: «Мне кажется, что Александр Александрович получает даже некоторое преимущество [...] Он получит стенограмму. У него будет возможность известной подготовки. Ответ его будет обдуманым и полным и значительно более весомым») (131).

В первый день заседаний состоялся характерный эпизод. Чл.-корр. АН СССР А.В. Арциховский начал свое выступление со следующего заявления:

Я прежде всего должен протестовать против недопустимого грубых выражений, которые употребил мой предшественник по адресу А.А. Зимина (*Аплодисменты*). Это совершенно возмутительно. Я глубоко уважаю А.А. Зимина — одного из лучших советских историков, несмотря на эту книгу, и замечательного человека (241).

Перед Арциховским выступал В.И. Стеллецкий, литератор и переводчик *Слова о полку Игореве*. Из стенограммы его выступления (211–240) не очевидно, что именно Арциховский (и, судя по аплодисментам — аудитория) расценили как возмутительную грубость. Несмотря на определенную небрежность тона, откровенных оскорблений *ad personam* он все же не допускал (напротив, засвидетельствовал уважение к Зимину: «Мы, многие из присутствующих здесь, относимся к А.А. Зимину с симпатией и уважением [...]» (211)). Похоже, Арциховский эвфемистически намекал на иное: Стеллецкий позволил себе выпады с политическим подтекстом («В.И. Ленин учил нас прислушиваться к тому, что говорится за рубежом, в частности, врагами. Поэтому я обращаю ваше внимание [...]» (238); «А подумал ли Зимин о своей ответственности ученого перед народом?»; «Зимин опорочивает исследования корифеев русской филологии [...]» (239)).

Арциховский остро отреагировал на попытки привнести в обсуждение элементы привычной советской демагогии. С той же мысли на следующий день начал свое выступление Я.С. Лурье:

[...] Все выступающие оказались едины в своем полном уважении к автору и к поставленной автором перед собой серьезной научной цели. Единственное в этом случае печальное исключение было достаточно ясно отвергнуто всеми выступавшими. И я думаю, что и в этом мы все едины. Мы уважаем Александра

Александровича как ученого, мы уважаем его стремление выяснить истину в этом сложнейшем вопросе и его право на вынесение этого вопроса (358).

И еще откровеннее назвал вещи своими именами Л.А. Дмитриев:

По-моему, вчера было встречено единодушным осуждением выступление Владимира Ивановича Стеллецкого, выдержанное в стиле «проработки» печальных времен, оно не имеет никаких оснований (340).

Это была именно та тональность обсуждения, на которой настаивал в самом начале Д.С. Лихачев:

Еще одно замечание, которая я считаю необходимым предпослать своему выступлению: спор о подлинности «Слова о полку Игореве» является научным спором и *привносить сюда какие-то вненаучные элементы не следует* (164).

Стеллецкого, человека извне ученого цеха, быстро поставили на место. В течение следующих двух дней из около тридцати выступавших никто (за одним печальным исключением, о котором ниже) не опустился до идеологических инсинуаций.

Известно: иногда то, о чем умалчивают, оказывается важнее, чем сказанное. В английском языке есть метафора «слона в гостиной», присутствие которого упорно не замечают. Ее употребляют для характеристики разговоров и дискуссий, главной темой которых является та единственная, о которой не сказано ни слова.

Чтение стенограммы обсуждения книги Зимина убеждает, что между ее участниками был заключен негласный пакт: любой ценой не произнести страшных слов: «Слово и дело государево!», после которых академическую дискуссию изымут из рук ученых и превратят в идеологическую проработку с непредсказуемыми последствиями для автора книжки. Принимать участие в таком действе не желали не только сторонники, но и противники Зимина. Раз за разом выступающие подчеркивали, что речь идет об очень специальном, очень сложном, исключительно научном споре, высказаться в котором компетентно может только тот, кто имеет отношение к науке. Вопреки тому, что Зимин вспоминал совещание как вопиющее нарушение цеховой солидарности, где коллеги взяли себе в союзники жандармов, солидарность была и именно она очерчивала вокруг присутствующих невидимый меловой круг.

Очевидно, именно такая атмосфера первого дня обсуждения убедила Зимина, что его худшие опасения не оправдываются, и он может в дальнейшем участвовать в совещании. В течение второго и третьего дня выступающие уже не смущались дискомфортом заглазного обсуждения (акад. Б.А. Рыбаков: «Я очень рад, что мне придется выступать сегодня, когда Александр Александрович выздоровел и я смогу прямо в лицо ему сказать то, что вчера

пришлось бы говорить в его отсутствие. Я рад этому еще и потому, что мы, выступающие в прениях, сможем выступать вполне открыто, видя перед собой автора обсуждаемой работы, а также потому, что мы услышим здесь ответ автора, ответ на разные вопросы» (251).

Знакомого с ритуализированной риторикой советских собраний стенограмма обсуждения книги Зими́на поражает практически полным отсутствием ожидаемых «примет времени». В течение трех дней ни один из участников не упомянул о руководящей роли партии, не вспомнил какого-либо из положений классиков марксизма-ленинизма, не сослался на последние решения съезда или пленума партии. Единственным нарушителем конвенции, указавшим пальцем на «слона в гостиной», оказался сам А.А. Зимин.

Ему предоставили слово в завершении дискуссии. Стенограмма его выступления занимает 63 страницы в нынешнем издании (505–568). Говорил он, очевидно, не один час: пересказывал содержание присланных ему письменных отзывов на книгу; разъяснял свои позиции, полемизировал с высказанными замечаниями.

Впрочем, слух современного читателя режет прежде всего чрезвычайная — и вообще, и тем более на фоне подчеркнутой «стерильности» других выступлений — идеологизированность его речи и насыщенность советской риторикой. Здесь придется вынести пространное цитирование из Зими́на:

Только с позиций марксизма-ленинизма — единственной методологической основы всех трудов советских историков, лингвистов, литературоведов — может быть верно решен кардинальный вопрос о времени и обстоятельствах возникновения этого памятника.

Только исходя из понимания идейного содержания, классовых основ этого произведения можно подойти к разбору важнейших вопросов истории его текста, и отнюдь не случайно, что крупнейшие достижения в этой области достигнуты советскими историками, советскими литературоведами, советскими языковедами (305–306).

Первые две страницы стенограммы практически полностью отведены под заверения в политической и идейной лояльности:

Исторические решения XX и XXII съездов партии привели к коренному перелому в решении важнейших проблем отечественной истории. Перед нами, учеными, раскрылись невиданные перспективы для развития отечественной науки. Долг советских ученых с благодарностью ответить на ту заботу партии и правительства, которую они оказывают развитию самой передовой в мире науки. Только теперь стала возможной постановка дискуссионных больших вопросов [...]

Именно поэтому, руководствуясь решениями нашей партии, руководствуясь теми заветами, которые оставил нам великий Ленин, я решился на то, чтобы поставить большой и важный вопрос по истории отечественной культуры (506).

Разумеется, подобное злоупотребление было частью защитной стратегии Зими́на: он хотел обезопасить себя от политических обвинений, а также

продемонстрировать, что способен переиграть своих вообразенных преследователей на их поле и их же оружием. Создается впечатление, что эту речь он заготовил заранее и не заметил, что его били не так, как в тридцать седьмом или сорок девятом. В любом случае, это разительно контрастирует с надменным «надоела брехня» воспоминаний.

Заверения в верности марксистско-ленинской методологии и заветам великого Ленина были неуместны и стилистически, и как стратегия: Зимин отвечал на обвинения которые ему не выдвигали. Иные запрещенные приемы, к которым прибегал Зимин, оказались не такими безобидными и звучали почти доносительно:

Первым выступил в защиту древности или против Мазона П.Н. Милюков. Его аргументы повторяются в основных чертах и развиваются дальше Д.С. Лихачевым [...] Это историографический факт, о котором Д.С. Лихачев почему-то всегда умалчивает. Далее. Основной противник позднего происхождения «Слова» — небезызвестный профессор Р. Яковсон (США), политические и научные представления которого достаточно ясны. Его школа поднимается на щит в зарубежной славистике, и я что-то не слыхал, чтобы Д.С. Лихачев хоть когда-нибудь подвергал взгляды Яковсона и его последователей серьезной критике. На месте Бориса Александровича Рыбакова я бы повторил тот пикантный случай, который он столь красочно изобразил на лекции студентам [...] На последнем съезде славистов якобы к нему подошел Р. Яковсон и предложил ему союз против Зимина.

(Б.А. Рыбаков: Вы слышали об этом? Я подтверждаю Ваши слова, но только не тот источник!)

Д.С. Лихачев не упомянул и ренегата Лесного, бежавшего с немцами из Киева и подвизающегося сейчас в Австралии. Этот с позволения сказать «ученый» дикой бранью встретил не только работу Мазона, но и прислал [...] уже готовую разностную рецензию против Зимина в комиссию по «Слову о полку Игореве» [...] Напрасно Вы, Борис Александрович, в последней работе о Древней Руси с сочувствием ссылаетесь на «интересные соображения» этого, с позволения сказать, «ученого». Можно было бы напомнить о том диком вое (иного слова не подыщешь), который был поднят реакционными славистами, прослышавшими теми или иными способами о докладе Зимина и пытающимися сколотить общественное мнение за рубежом против Зимина. Я имею в виду и выступление Яковсона на съезде славистов с анонимным выпадом против меня, и «деятельность» в этом направлении главных столпов реакционной славистики — украинского националиста Д. Чижевского и «патриарха» эмигрантских историков Г. Вернадского и многих других. Все они с нетерпением ждут возможности начать разнузданную кампанию против Зимина (526–527).

Намеки здесь прочитываются даже слишком очевидно. Утверждение подлинности *Слова о полку Игореве* является элементом реакционной идеологии антисоветски настроенных белоэмигрантов и украинских националистов. Раз такие «ренегаты» и «реакционные слависты» выступают против Зимина, значит Зимин стоит на правильных, прогрессивных позициях советского историка. А вот Д.С. Лихачев и Б.А. Рыбаков не просто сочувствуют белоэмигрантам

и поддерживают их вредные теории, но даже вступают в организационные союзы с «реакционной славистикой». Лихачеву с Рыбаковым также повезло, что на дворе были новые времена.

«Птичий язык» науки, которым в течение трех дней велась дискуссия, не просто охранял Зимина от любых оргвыводов, он делал невозможным само вмешательство в разговор партийных властей. Как наказать за политический демарш, было ясно, за предпочтение какому-то разночтению в богом и людьми забытом списке XV или XVI в. — невозможно. Своим выступлением Зимин пробил брешь в стене. На это сразу отреагировало натренированное ухо академического администратора акад. Е.М. Жукова. Выступая с заключительным словом, он начал говорить об «историческом фронте» и ответственности каждого историка за общее дело, о том, что труд Зимина «бросил тень» на всех историков. С легкостью подхватив тональность Зимина, Жуков продемонстрировал, что на поле демагогии выиграть невозможно:

[...] Заниматься «Словом» можно и нужно. [...] Но исследовать «Слово» нужно не по Мазону, а по Марку. Я думаю, что все товарищи помнят, что Маркс очень высоко ценил «Слово» и не сомневался в его подлинности (576).

Но был уже поздний час, Жуков извинился за продолжительность обсуждения, поблагодарил всех присутствующих и закрыл заседание. Журнал «Вопросы истории» опубликовал отчет о дискуссии (как считали, тенденциозный), и на этом история, по сути, закончилась. Началась легенда.

Ее важнейшей чертой, как теперь выясняется, было перенесение вины за содеянное с истинных виновников на неповинных в несчастьях Зимина коллег. Так с некоторых пор начал думать Зимин, так считали близкие ему люди, в это — пересказывая легенду — хотели верить те, кто по разным причинам был недоволен состоянием науки или своим местом в ней. Перенос вины с близких инстанций на конкретных и видимых людей, ее персонификация в образе нескольких имен и лиц, психологически объяснимы как реакция на травматический опыт. Горечь от поражения — когда по всем расчетам ожидался триумф — заставляла Зимина искать виновников среди участников обсуждения: корифеев науки, которые на деле оказались честолюбцами и союзниками жандармов. Вообще говоря, неясно, какого поведения от коллег ожидал Зимин. Считал бы он нравственно более безупречным научное лукавство во имя его, Зимина, права на высказывание или даже во имя абстрактного принципа свободы творчества? История Зимина постепенно стала восприниматься как обвинение всему академическому сообществу, его реакционности, чиновности, догматизму и глухоте к новым идеям, его двойной морали. Парадокс заключается в том, что всеми этими качествами наука советское время была наделена сполна, но именно история с обсуждением книги Зимина об этом свидетельствует в наименьшей степени. Напротив,

здесь проявилась корпоративная солидарность, которая не позволила перенести научный спор в плоскость административных действий. Учитывая обстоятельства, это не так мало.

Очевидно именно поэтому власти оказались не скоры на расправу. Вся история, строго говоря, не имела для Зимина никаких последствий. Заверения в обратном — из области житийной литературы. Его не уволили с многочисленных должностей, ему даже удалось постепенно издать в виде статей главные результаты своих исследований о *Слове*. Зимин, правда, не сделал большой административной карьеры в Академии наук (так и не был избран в члены-корреспонденты), о чем сожалеют все без исключения мемуаристы. Но, учитывая моральную позу Зимина, стремиться к признанию среди честолобцев и жандармов, как и сожалеть о его отсутствии, было бы по меньшей мере странным.

В воспоминаниях о событиях 1963–1964 гг. проявилось и еще одно смещение смыслов. Оказывалось, что спор о подлинности *Слова о полку Игореве* был не целью, а только средством утверждения неких ценностей (Зимин: «Выступление [...] было борьбой за право ученого на свободу мысли. Речь шла не о том, прав я или нет [...]»; Кобрин: «Дело не в том, прав был Зимин или нет [...] Зимин считал, что [...] поможет утвердить мысль, что в науке нет запретных тем [...]»). Зимин якобы использовал тему подлинности *Слова* для того, чтобы привить окружающим уважение к свободе слова, творчества, к независимости личности. Поэтому противостоящих Зимину в споре судили строго как отрицавших подобные принципы. Эти высказывания обозначают довольно странную, если вдуматься, мысль — не важно, попирается ли ложный кумир, или оскверняется дорогая святыня, важен урок такого публичного святотатства. И даже лучше, если святыня, урок от этого становится только очевидней. Это, впрочем, тоже мотив из агиологии: ужасенные язычниками наблюдают, как миссионер глумится над их божествами. В художественном творчестве демонстративное надругательство над общепринятыми культурными символами для утверждения новой эстетики встречается не так уже редко. Для ученого, конечной целью которого есть поиски истины (то есть, именно отличать истукана от реликвии), подобные жесты, вероятно, лежат вне поля возможностей.

Могло ли все случиться иначе? Возможно, в другой стране и в другие времена. Это, впрочем, пропозиция из числа сугубо гипотетических. Более осмысленно звучит вопрос: могло обсуждение книги Зимина иметь другой результат? Имел ли шансы Зимин убедить в своей правоте, если бы только ученые были искренни и жили в свободном обществе? Мог ли он выйти из совещания под восторженные аплодисменты убежденных им оппонентов? На этот вопрос ответ существует.

В науке, тем более гуманитарной, коллективные прозрения происходят редко, практически никогда. Радикальные идеи требуют времени для усво-

ения и примирения с ними, иногда для этого требуется смена поколений. Об этой особенности науки даже существует целый ряд афоризмов, самый затертый из которых (и самый пронизательный) утверждает: любая научная идея проходит через три стадии восприятия. Сначала говорят: это совершенно невозможно, потом говорят: в этом что-то есть; наконец, говорят — это давно всем известно. За почти полвека гипотеза Зимина одолела лишь второй этап. И уже очевидно, что третьего — то есть всеобщего признания — ей не суждено. Давно нет Идеологического отдела, нет и самого ЦК, исчезла и страна, в которой они существовали. И тем не менее, если бы обсуждение книги Зимина происходило сегодня, оно вынесло бы такой же приговор. К чести наших предшественников сказать: нет уверенности, что стилистически дискуссия существенно отличалась бы в лучшую сторону от 1964 г.

Собственно, этот эксперимент был поставлен на наших глазах. Обсуждение книги Эдварда Кинана «Йозеф Добровский и происхождение «Слова о полку Игореве», конечно, проходило в иных организационных формах, оно, как и положено, шло на страницах журналов. Общий итог, однако, оказался тождественным: гипотеза не была принята, а ее автора критиковали в достаточно решительных выражениях.

Толерантность российской гуманитаристики к радикальным идеям, действительно, ниже принятой в других научных сообществах, и первой коллективной реакцией на них, как правило, оказывается отторжение. Возможно, это связано с особой ролью гуманитарного знания в общей системе культуры, где от науки ожидается не столько новаторство, производство новых смыслов и нового знания, сколько сохранение унаследованной традиции и поддержание преемственности. Разговор о причинах такого положения — отдельная тема, за пределами задач этой рецензии. Были периоды, советский из их числа, когда такая — добровольно принятая ли возложенная обществом — миссия оказывалась вполне оправданной историческими обстоятельствами. История Зимина — это, кроме всего прочего — история о защите научным сообществом важных для его собственной и более широкой культуры символов и ценностей. Обстоятельства, однако, меняются, и, возможно, науке время освободиться от несвойственных ей охранительных функций. Оценки эпизода с дискуссией вокруг книги Зимина, вероятно, будут меняться по мере такого освобождения. С изданием чрезвычайно важной книги Л.В. Соколовой это теперь возможно делать достоверно, на основании документального знания, а не мистифицированной традиции.

Алексей Толочко